Глава 99.

«Чертово время». Мое бремя говорит раздражительным тоном, как будто я виноват. «Старый Булат потерял всякое достоинство, носился, как ребенок, в течение нескольких дней. Я предпочел бы нести чертову повозку всю дорогу назад, черт возьми».

Сопротивляясь желанию увидеть, как он скатывается с холма к городу, я стискиваю зубы, громко скрежеща их, и бегу. Больше не могу я копать уборные весь день, Аканьай приказала мне по-прежнему это делать, доходит до 70 километров в день. Это жестокое и необычное наказание. Просто бей меня или что-то, я могу принять это, я просто хочу, чтобы это закончилось.

Мое ожидание возрастает, когда я приближаюсь к воротам, желая взглянуть на Мэй Линь и близнецов, на мою милую маленькую семью, по которой я так сильно скучаю, но бюрократия снова возвращается, солдаты вынуждены оставаться за воротами. Сдерживая слезы, я наблюдаю, как все стражи едут в туннель, я мирюсь со своим местом на улице, дожидаясь, когда нам дадут впустить очередь.

Остальные калеки собираются вокруг, более 100 человек, в сопровождении жирного чиновника, перед тем, как таскаться по более важным делам, например, подсчитывать лошадей. Разгружая Булата, я ухожу, затаив дыхание и оставаясь в стороне от других. Пройдет немного времени, прежде чем я смогу принять горячую ванну на вилле Тадука, выпить вина и вкусно поесть. Черт, я помню, как туда добраться, как мне пройти все контрольно-пропускные пункты? У меня нет денег. Черт побери мою жизнь, у меня тоже нет денег ... мне придется остаться в трущобах?

«Вы, ничтожные калеки, подождите, пока мы не будем готовы. Герои империи будут замечены первыми, вы отбросы… можете просто сидеть здесь. Толстые чиновники дребезжат движениями. Даже тогда, раненые солдаты ничего не делают, просто жалуются, смиряясь с судьбой.

Приближаясь, Булат и Рустрам смотрят, чтобы убедиться, что нас никто не слышит, и, несмотря на суждение, я наклоняюсь, чтобы услышать, что они говорят. Наверное, это скорее словесное оскорбление, я просто надеюсь, что они перестанут так больше делать. Было бы не так плохо, если бы я тоже был калекой, но я не могу это сделать теперь, когда я полностью исцелен. Понадобится некоторое время, чтобы они заговорили, отвлекая внимание всех находящихся поблизости любопытных, прежде чем Булат наконец начнет. «Рэйн, мы мы хотели спросить тебя кое о чем». Нет больше маленького героя, просто Рэйн. Насколько я не любил это прозвище.

Увидев мое лицо, Рустрам вступает в разговор. «Некоторые из этих солдат, мы служили с ними долгое время. Я знаю, что генерал-лейтенант сказал, чтобы наши рты были закрыты, но мы хотели ... ты знаешь... подтолкните их к ней, чтобы помочь».

«Держите свои грёбаные рты закрытыми». Ответ немедленный, без необходимости думать. «Если они спросят, что вы будете делать, вы можете сказать им, что отправитесь к Аканай. Не упоминайте об исцелении или служении, не намекайте на это вообще, вы позволяете им думать, что вы собираетесь лизать ее сапоги и просить об увольнении. Ей не нужно больше причин наказывать меня ».

«Послушай, они хорошие солдаты, я уверен, что генерал-лейтенант мог их найти. Может быть, некоторые произносят клятвы, а некоторые нет, кто знает, но если бы мы могли просто сказать

несколько слов, это могло бы склонить их решение ... Старый Булат знает, что у тебя не было плохих намерений, ты хотел помочь, правильно ?».

«Да, и посмотри, на эту помощь». Мой голос звучит громче, чем предполагалось, оставляя Булата и Рустрама в задумчивости, они заглядывают, чтобы увидеть, как калеки слушают, но мне все равно больше всех интересно. Хочется орать, я выпускаю свой гнев на них. «Все эти солдаты скулят и стонут о том, как с ними плохо обращаются, но слишком горды, чтобы принять помощь» .Обращаюсь далее. «Почему я должен тратить свое время, убеждая их принять помощь? Аканьай предложила, этого должно быть достаточно, я не вижу, чтобы кто-либо еще выстраивался в очередь, чтобы оказать помощь. Жить или умереть, бороться или сдаваться, это простой выбор, если эти никчемные идиоты не смогут, тогда это не спасет меня». Мой гнев кипит внутри меня. Расстроенный моей вспышкой.

Толстяк заставляет нас ждать до полудня, чтобы наконец работать с искалеченными солдатами, что никак не повышает мое настроение. Это все, что я могу сделать, не задушить его жирную шею, когда он так медленно работает, принимая оружие и доспехи в обмен на заранее написанные документы об увольнении, заполняя имена. Никаких церемоний, просто листок бумаги, их обязанность заканчивается без благодарности. Как только все увольнения солдат завершены, я провожу Булата через туннель, затаив дыхание.

Еще раз Шен Хо делает то, что он делает лучше всего.

Разочаровывает меня.

Обращаясь к остальным, я спокойно даю инструкции. «Делайте, что хочешь, остальные на завтра». На следующий день встречайтесь здесь до рассвета, не опаздывайте. Попросите своих семей приготовиться к отъезду, а также мы организуем безопасное сопровождение их в новые дома».

Рустрам громко спрашивает: «Э...что это было? Когда мы встретимся здесь? Не завтра, а послезавтра? До рассвета и не опаздываете? Что будет с нашими семьями?».

Я громко повторяю, добавляя: «Если вам некуда идти в промежуток времени, тогда просто следуйте за мной сейчас, я найду способ найти вас».

Через несколько минут Булат потянулся за мной. «Ой Рейн, Ма живет по-другому». Гримасничая от моего идиотизма и раздражения, он не говорил раньше, я поворачиваюсь кругом, шагая назад, и сразу останавливаюсь от неожиданности. Восемь дополнительных больных солдат следуют за мной, их прежний смирившийся фатализм теперь заменен стойкой решимостью. Я смущенно моргаю и вижу, что Рустам счастливо улыбается, а Булат тихонько посмеивается надо мной. «Старый Булат действительно стареет, эти улицы всегда меняются, кажется, что ты шел правильным путем».

Эти люди безумны, и я никогда не пойму их. Попробуйте предложить им помощь, они плюют на нее, принимая за доброту и за жалость. Оскорбляйте их способность выжить, и они не останавливаются ни перед чем, чтобы доказать, что вы правы.

Идиоты, все они.

Думаю, теперь они наши идиоты.

Мама помогает нам всем.

Проворно постучавшись в дверь, Рустам успокаивал нервы, ожидая, что кто-то ответит, зная, что его будут игнорировать первое время. Когда ему впервые было приказано вступить в армию, Рустам почти сбежал, но, вырос как сын торговца, он не знал ничего о выживании в одиночку. Выжить, и он будет благом, охранник караванных путей и ветеран для показа на вечеринках, умрет, и ничего ценного не будет потеряно.

Еще трижды он постучал, прежде чем ему ответили, приглушенные крики отца, призывая слуг дальше, как будто они не слышали его стука. Игры власти, старик игрался. Дверь открылась, и он без всяких церемоний шагнул.

Его отец сидел, сгорбившись. Безумно противоречивый человек, никогда не способный признать свои грехи, седые волосы для своего возроста, всего пятьдесят лет, человек, который никогда не учился правильно культивироваться. Он поднял глаза с фырканьем. «Итак, мой второй сын, лейтенант, герой, возвращается ко мне калекой. Какая пустая трата времени и денег, шесть лет службы и без какой-либо помощи, помимо той, которую я купил тебе. Теперь ты приходишь домой в слезах, бестолковый калека, прося у меня место в доме ».

Рустам стиснул зубы и придержал язык, позволив отцу повеситься собственными словами. Так будет проще и не сказать отцу, что он «заключил контракт» на работу с наемниками - история, которая может вызвать слишком много вопросов, на которые Рустам не мог ответить.

Отец пытался выглядеть устрашающе. «Хорошо, знаю, у меня нет места здесь для бесполезной подачки для калек». Отлично, Рустам мог просто уйти, не сказав больше ни слова, и больше не возвращаться, сражаясь за генерал-лейтенанта. Это было бы не так уж плохо, он собирался научиться исцелять свои собственные раны, быть щитом для лучших воинов «Ты все еще помнишь свою арифметику? У меня есть небольшая витрина, которая нуждается в управлении, и втебе хватит, пока я не найду кого-то компетентного, нужна только одна рука для счета. Я не потерплю никакой наглости или лени, ты проснешься пораньше и будешь в магазине на открытии, готовые к делу. Мы сделаем тебе деревянную руку, которая будет выглядеть как плоть, и не сможет отпугивать клиентов. Твоя старая комната готова, и ...».

Не веря своим ушам, Рустам моргнул в замешательстве, пока его отец продолжал свою тираду и строгие предупреждения. Не в силах продолжать, он незаметно вытер глаза рукавом, прежде чем быстро начать говорить. «Я заключил контракт с генерал-лейтенантом Аканьай. Я буду хорошо вознагражден, буду много работать, я не могу сказать, когда вернусь».

С трудом сглотнув, он потел, наблюдая, как его отец анализирует его слова, изумление, превращающееся в расчет, понимание в ... радость. «Ты работаешь на генерал-лейтенанта Аканьай? Отлично!».

«Отец, ты помнишь имя мальчика, кто сражался с прапорщиком?». Слова вырвались в пан

«Хм? Конечно, я отметил для себя его имя, которое нужно запомнить, это восходящий дракон, за которым следует следить. Его звали Рэйн. Почему ты спрашиваешь?".

Забегав вокруг стола, он обнял отца, удивляя их обоих действиями. «Спасибо тебе за все. Отец, но мне нужно пойти и рассказать всем».

Теперь у него были средства, чтобы убедить других солдат присоединиться, и его причины теперь были гораздо менее эгоистичными. В то время как ему было запрещено говорить об исцелении или клятвах, он мог рассказать о том, кто были Рейн и Аканьай, и, самое главное, кто был Учитель Рейна.

http://tl.rulate.ru/book/591/86918